

ГЛАВА 1

Надев рабочий фартук, тетя Софи принялась снимать белье с высоко натянутых веревок. Сердце ее радовалось: скатерти, полотняные простыни и наволочки были белее свежесвыпавшего снега. Надо сказать, что погода с незапамятных времен благоприятствовала отбеливанию полотняных сокровищ почтенного дома «Лампрехт и сын». В главном здании, фасад которого выходил на самую лучшую часть рынка, было достаточно и комнат, и залов, обитателей же было немного, так что в верхнем этаже восточного флигеля не было никакой нужды.

Но люди говорили другое. Несмотря на то, что пристроенная часть, ярко освещенная солнцем, со своими высокими, задернутыми гардинами окнами, казалась такой мирной, она была местом таинственной, постоянной и давней борьбы привидений. Так гласила молва в близлежащих улицах и переулках, и обитатели дома ее не опровергали. Да и к чему: ведь с 1795 года, когда в боковом флигеле скончалась после родов красавица Доротея, госпожа Лампрехт, не было ни одного из слуг, кто хотя бы раз не видел длинного шлейфа белого пеньюара, волочившегося по полу коридора. Потому-то никто и не жил в этом доме, считали люди. Причиной же всей этой чертовщины было нарушение клятвы.

Юстус Лампрехт, прадедушка нынешнего главы семейства, торжественно поклялся своей умирающей жене, госпоже Юдифи, что не женится вторично. Она потребовала этой клятвы будто бы ради двух своих сыновей, но на самом деле из-за безумной ревности не хотела уступать другой своего места рядом с овдовевшим мужем. Однако у господина Юстуса было горячее, страстное сердце, и такое же сердце билось в груди его воспитанницы, жившей у них в доме. Та не желала отказываться от своего возлюбленного и готова была идти за ним хоть в ад, тем более выйти за него замуж назло ревливой покойнице. Они жили как два голубка, пока в один прекрасный день прелестная молодая госпожа Доротея не удалилась в боковой флигель, где

в убранной с княжеской роскошью комнате произвела на свет дочку. Господин Юстус Лампрехт чувствовал себя на вершине блаженства.

Была суровая зима, и на дворе трещал жестокий мороз, когда в ночь под Рождество, с последним ударом часов, дверь из коридора в комнату роженицы медленно, торжественно отворилась, и покойница влетела, вся точно окутанная паутиной. Однако в сером платье и кружевном чепце проскользнуло под шелковый балдахин и улеглось на роженицу, словно покойница хотела высосать кровь из ее сердца. У сиделки отнялись со страху руки и ноги, и, вся оледенев от смертельного холода, который исходил от привидения, она лишилась чувств и пришла в себя только когда закричала новорожденная.

Нечего сказать, хорош был рождественский подарок! Дверь в холодный коридор стояла широко открытой, госпожи Юдифи и след простыл, а госпожа Доротея сидела, выпрямившись в постели, вся дрожа от ужаса и стуча зубами; лихорадочный взор ее был прикован к ребенку в люльке. Потом она впала в безумие и через пять дней уже лежала в гробу с мертвым младенцем на руках. Доктора говорили, что мать и дочь умерли вследствие сильной простуды: сиделка по небрежности плохо затворила дверь. Сама же она заснула и видела страшный сон...

Предметом торговли предприятия «Лампрехт и сын» вплоть до конца прошлого столетия было полотно. Торговый дом нередко называли «Тюрингский фуляр»¹, что как нельзя лучше этому соответствовало.

Внутри дом на рынке походил в те времена на пчелиный улей: там царило постоянное движение. Тюки полотна громоздились до самой крыши, тяжело нагруженные фуры вывозили их со двора, и они отправлялись во все стороны света.

Как все меняется! Торговля полотном давно была заменена производством фарфора на фабрике, находящейся в близлежащей деревне Дамбах.

¹ Легкая мягкая шелковая или полотняного переплетения ткань. (Здесь и далее примеч. ред.)

Теперь главой дома «Лампрехт и сын» был вдовец с двумя детьми. Тетя Софи, последняя представительница боковой линии Лампрехтов, вела хозяйство, соблюдая строжайший порядок и бережливость и ни в чем не роняя чести фамилии. Госпожа советница и ее супруг, господин советник, — родители покойной жены господина Лампрехта — жили на третьем этаже главного дома. Старик сдал в аренду свое дворянское поместье, уйдя на покой, но не мог подолгу выносить городской жизни, а потому часто покидал жену и единственного сына и больше проживал в Дамбахе, на деревенском воздухе, где к тому же и лес, и охота были под рукой; здесь в его распоряжении был довольно большой, примыкавший к фабрике зятя павильон, в котором он мог жить сколько угодно.

Поблизости, на ратуше, пробило четыре часа: это было время послеобеденного кофе, которым заканчивалось беление. Огромные корзины мало-помалу наполнились белоснежным бельем, и тетя Софи стала осторожно укладывать в ящики драгоценные старинные полотна. Вдруг ее как ножом полоснуло по сердцу.

— Вот так дела! — вскрикнула она испуганно и смущенно, обращаясь к своей помощнице, старой служанке. — Посмотрика, Бэрбэ! Скатерть с «Браком в Кане» порвалась, смотри, какая дыра! Конечно, это же старая вещь. Ее принесла в приданое еще госпожа Юдифь.

Бэрбэ громко кашлянула и украдкой покосилась на окна восточного флигеля.

— Ах, людей, которые не лежат спокойно в могилах, не надо называть вслух по имени, фрейлейн Софи, — упрекнула она ее, понизив голос и неодобрительно покачав головой. — Особенно теперь, когда они опять начали появляться. Кучер видел вчера вечером, как в углу коридора мелькнуло белое платье.

— Белое? Ну так это не было привидением в сером паутинном платье. Толстяк кучер просто дурачит вас там, в людской. Погодите, вот узнает хозяин! Из-за вашей трусости опять начнут болтать бог знает что о его доме. — Она пожала плечами и сложила скатерть. — Мне-то, собственно, все равно. Я даже люблю, когда люди говорят: «Белая женщина в доме Лампрехтов!» Да, Лампрехты настолько древняя и знатная фамилия, что могут

позволить себе такую роскошь, как привидение, подобное тем, что живут в замках.

Последние слова, очевидно, были сказаны уже не для служанки. Карие глаза тети Софи весело посмотрели в направлении нескольких лип перед ткацкой — там блестели очки на тонком носу советницы. Старая дама вынесла своего попугая на свежий воздух и охраняла его от кошек; она вышивала, а около нее сидел за выкрашенным белой краской садовым столом ее внук Рейнгольд Лампрехт и писал что-то на грифельной доске.

— Вы, конечно, говорите это несерьезно, милая Софи, — сказала советница, слегка покраснев и строго глядя на нее поверх очков. — Такими священными привилегиями шутить нельзя, это неприлично, более строгие люди сказали бы — демократично.

— Ну да, это похоже на ваших строгих людей, — засмеялась тетя Софи. — Им бы только опять бродить по свету с огнем и мечом. Но почему же, если человек не хочет ползать по земле, как червяк, то он демократ? Выходцы с того света наводят ужас равно на всех людей, не делая никаких различий, и «белая женщина» в любом замке выходит из тлена, как и красавица Доротея, жена прадеда Юстуса.

Старая дама от возмущения сморщила свой тонкий нос. Она отложила пяльцы с вышивкой и подошла к Бэрбэ.

— Как, и кучер тоже видел что-то вчера в коридоре? — спросила она с любопытством.

— Видел, госпожа советница, и даже сегодня не может опомниться от испуга. Он до сумерек натирал полы в парадных комнатах, а когда стал уходить, ему показалось, что позади него тихонько отворилась дверь в коридор, где, госпожа советница, никогда не бывает живой души! Ноги у него как свинцом налились, и он весь похолодел, но все-таки еще нашел силы отойти немного в сторону и оглядеться, когда мимо него по длинному коридору пронеслась тонкая-тонкая фигура, вся в белом с головы до ног.

— Не забудь черных лайковых перчаток, Бэрбэ, — вставила тетя Софи.

— Что вы, фрейлейн Софи, на привидении не было ни одной черной нитки! Долетев до конца коридора, оно превратилось в туман и исчезло, кучер говорит, «как дым, развеянный ветром». Его теперь не затащить туда в сумерки и десяти лошадям.

— Никому и не нужно испытывать его мужество: это настоящая баба со своими рассказами! — сказала тетя Софи, не то смеясь, не то сердясь, и взялась за салфетку, чтобы снять ее с веревки, но бросила и повернулась, пораженная. — Тьфу, пропасть, что это мчится там? Ты вечно шалишь, Гретель!

Под высокий свод ворот въезжала хорошенькая детская коляска, запряженная парой козлов, ими управляла, туго натянув вожжи, девочка лет девяти. Круглая соломенная шляпка с широкими полями слетела у нее на затылок и держалась на лентах, подвязанных под подбородком, образуя венец, какой рисуют на образах, вокруг ее темных локонов, разметавшихся во все стороны от ветра.

Экипаж докатился до лип, под которыми сидел маленький Рейнгольд, и остановился, напугав громко закричавшего попугая; мальчик соскользнул со скамейки.

— Грета, ты не умеешь ездить на моих козлах. Я этого не хочу! — проворчал он слезливо, и его худенькое личико покраснело от гнева. — Это мои козлы, мне их подарил папа!

— Не буду больше, никогда не буду, Гольдхен, — стала уверять его сестра, выходя из «экипажа». — Не сердись! Ведь ты меня любишь? — Мальчик опять влез на скамейку и неохотно позволил ей обнять себя с бурной нежностью. — Ведь Гансу и Вениамину тоже хочется погулять! Бедняжки так долго были заперты в конюшне в Дамбахе.

— И ты в самом деле приехала одна из Дамбаха? — спросила госпожа советница, и в ее голосе послышались страх и негодование.

— Конечно, бабушка! Не может же толстый кучер сесть со мной в детскую коляску! Папа поехал домой верхом, а я должна была ехать в большой повозке с факторшей¹, но я не могла дождаться, пока она кончит торговать.

¹ Фактор — комиссионер, исполнитель частных поручений; посредник.